

Organizational and legal bases of the contract system in the field of research and development / N. S. Minko [et al.] ; ed. by D. V. Shablinskaya, V. K. Ladutko, M. N. Satolina. — Minsk : Belarusian Science, 2020. — 225 p.

2. Модельный закон «О контрактной системе в сфере исследований и разработок» [Электронный ресурс] : принят Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств, 27 нояб. 2020 г. // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/939.pdf>. — Дата доступа: 16.01.2022.

3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках [Электронный ресурс] : Резолюция 66/95 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 9 дек. 2011 г. // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/2011-model-law-on-public-procurement-r.pdf>. — Дата доступа: 16.01.2022.

Статья поступила в редакцию 10.01.2021 г.

УДК 347.1

O. Lentsevich
BSEU (Minsk)

GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR MORAL HARM COMPENSATION

The article analyzes the historical and legal aspects of the occurrence and development of the institution of material compensation of moral harm in Western European and Belarusian national law.

Keywords: moral harm; the institution of material compensation of moral harm; compensation of harm; injury; *vergeld*; *golovschizna*; *navyazka*; honor; dignity; pre-revolutionary law.

O. M. Ленцевич
кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В статье анализируются историко-правовые аспекты возникновения и развития института материальной компенсации морального вреда в западноевропейском и белорусском национальном праве.

Ключевые слова: моральный вред; институт материальной компенсации морального вреда; возмещение вреда; обида; *вергельд*; *головщизна*; *навязка*; честь; достоинство; дореволюционное право.

Правовое закрепление института материальной компенсации морального вреда в правовой системе нашей страны происходит после обретения государством независимости. Действующий с 1998 г. Гражданский кодекс Республики Беларусь в гл. 58 закрепляет три вида вреда, в том числе моральный (§ 4, ст. 968–970), под которым понимает «... (физические или нравственные страдания), причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством...» (ст. 152). Таким образом, институт морального вреда является

одним из самых молодых, проходящих стадию своего становления, в то же время он является одним из основных способов защиты неимущественных благ личности. Как сравнительно молодой институт он имеет значительную «пробельность» по ряду положений [1, с. 94], что определяет необходимость исследования автором прежде всего исторического аспекта формирования основ вышеназванного института. Настоящая статья направлена на возвращение данной проблематики в область научно-практической дискуссии, поскольку существование подобного института в гражданском праве свидетельствует о том, что государство признает приоритет социальной ценности человека и личности, стремясь защитить не только имущественные, но и неимущественные права [2, р. 20].

Наиболее продолжительным является опыт применения правового института материальной компенсации морального вреда в праве западноевропейских государств. Уже в античном римском праве, относившем телесные повреждения к разряду частных деликтов, в категорию *iniuria* (обида) были включены прежде всего посягательства на телесную неприкосновенность. При этом в Законах XII таблиц прослеживается тенденция к защите нематериальной сферы жизни человека: жизни, здоровья, чести, достоинства. Даже самые тяжкие правонарушения — *membrum ruptum* (увечья), каравшиеся по принципу талиона, предполагали возможность материального возмещения для пострадавшей стороны в случае, если удавалось договориться (VIII. 2). За сломанную кость свободного человека предполагался в пользу потерпевшего штраф 300 ассов, раба — 150 ассов (платился хозяину), за причинение *iniuria* (нанесение побоев, оскорбительных ударов, без ранения) — 25 ассов и т.д. (VIII. 3–4). По утверждению Ч. Санфилиппо, в понятие *iniuria* включался моральный ущерб, нанесенный чести и престижу лица; предполагавшийся в подобном случае иск *actio iniuriam* не только носил штрафной характер, но и приносил *infamia* (бесчестье) ответчику [3, с. 266–267]. Широкое распространение денежных выплат в пользу пострадавшего играло прогрессивную роль, выступая в качестве замены существовавшего института кровной мести: «Законы XII таблиц сохраняют принцип талиона лишь при телесных повреждениях, и то только тогда, когда стороны не договорятся о штрафе в пользу потерпевшего, причем штраф уже и в этом случае признается официальной заменой частной расправы» [4, с. 60–61].

Поскольку судопроизводство стран Западной Европы складывалось под определенным влиянием римского права, понятие «обида» за нанесенные увечья переносится в средневековое право. При этом перечень деяний, подпадающих под данную квалификацию, в «варварских» правдах значительно расширен. Так, в *Lex Salica* (Салической правде) — обычно-правовом сборнике раннефеодального королевства франков, составленном при Хлодвиге, — установлен вергельд, который выплачивался виновным лицом в качестве выкупа за нанесенную потерпевшему обиду и распределялся так: 2/3 шли в пользу обиженного, 1/3 — в пользу судьи. Размер вергельда зависел от тяжести правонарушения, а также общественного положения сторон. Материальная компенсация предполагалась не только за раны и побои (XVII), но и за кражу чужой жены (размер компенсации при этом был сравним со штрафом за убийство свободного человека (XV)), за оскорбление словами (XXX) и даже за недозволенное остригание свободной девушки или мальчика (XXIV, § 4), а также в отношении того, кто схватит свободную женщину за кисть руки или за палец (XX). Основные принципы, на которых строится *Lex Salica*, позволяют говорить о древнегерманском происхождении вышеотмеченных норм.

В общегерманском средневековом памятнике уголовного права, принятом императором Карлом V в 1532 г., известном как «Каролина», упоминается *schmerzensgeld* — возмещение: «Если же где-либо иные власти или судьи нарушат сие, то они должны и повинны будут учинить надлежащее возмещение за бесчестье, страдания, судебные издержки тому, кто вопреки праву, без предъявления доказательств, был подвергнут пытке... В таком случае никакой представитель власти или судья, никакая присяга не должны помогать укрывать или защищать от того, чтобы подвергнутый пытке и по пра-

ву получить возмещение за свои издержки, бесчестье, страдания и убытки» (XX). Размер *schmerzensgeld'a*, института денежного вознаграждения за боль и страдания, существующий под этим же названием и в настоящее время, определяется судьей в зависимости от степени причиненной боли [4, с. 61].

Еще в начале XVII в. известный голландский юрист Гуго Гроций писал: «...возможно также причинение ущерба чести и доброму имени, например нанесением ударов, оскорблением, злословием, проклятием, насмешкой и другими подобными способами. При них не в меньшей мере, чем при воровстве и иных преступлениях, необходимо отличать порочность поступка от его последствий... Ибо первой соответствует наказание, последним — возмещение причиненного вреда путем признания своей вины, оказания знаков уважения, удостоверения невинности и тому подобными способами. Хотя и деньги при желании потерпевшего тоже могут оплатить такого рода причиненный достоинству ущерб, потому что деньги есть общее мерило полезности вещей...» [5, с. 24]. Подобный подход, характерный для формирующегося буржуазного права, в последующие эпохи находит свое отражение в правовых системах западноевропейских государств.

Длительную историю формирования идея морального вреда имеет в английском прецедентном праве. В 1890 г. в Англии был введен новый, характерный для семьи общего права вид деликтов, нарушающих сферу *privacy*, к которым были отнесены: нарушение уединения или права на одиночество, вторжение в частную жизнь истца, публичное изобличение фактов, которые могут быть достоянием только истца или узкого круга лиц; присвоение имени истца и использование его внешности с целью получения выгоды; распространение информации, выставляющей истца в неправдивом свете [4, с. 63–64]. Функция государства заключалась в данном случае в защите неприкосновенности личности и всего того, что помогает человеку сохранить себя как личность. А. М. Эрделевский выявляет многочисленные формулировки в англо-американском праве, имеющие отношение к моральному вреду: *psychiatric injury* (психиатрический вред), *psychological injury* (психический вред), *nervous shock* (нервный шок, нервное потрясение), *ordinary shock* (обыкновенный шок, обыкновенное потрясение) [6, с. 11].

По Уголовному уложению Северогерманского союза 1871 г. потерпевшему от некоторых преступлений (таких как телесное повреждение и оскорбление чести) было предоставлено право в уголовном суде требовать денежное вознаграждение с виновного с установленным законом максимумом. Встречается в германском праве довольно однозначная позиция относительно тех, кто неправомочно был лишен свободы: по принятому в Пруссии в 1776 г. закону пострадавшему лицу возвращались все издержки, а также выплачивалась денежная сумма в качестве компенсации из фондов суда с целью возмещения понесенного ущерба. В дальнейшем данное положение нашло продолжение в Германском гражданском уложении 1896 г. (§ 847(1)), регламентирующем денежную компенсацию за страдания, явившиеся следствием как причинения вреда здоровью, так и незаконного лишения свободы (ограничение физической свободы, заключение в тюрьму или наложение наручников) [6, с. 13]. Для женщин право на компенсацию морального вреда предполагалось в случае нарушения нравственности или принуждения к внебрачной половой связи (§ 847(2)). По результатам судебной практики в доктрине немецкого права впоследствии были отмечены следующие виды деликтов, которые могут привести к возмещению морального вреда: нарушение права на одиночество, раскрытие фактов частного характера, наговор на человека в глазах общественности, использование имени и изображения пострадавшего.

В отличие от англо-американского деликтного права, которое четко устанавливает те виды правонарушений в сфере частной жизни, за которые может быть назначено возмещение морального вреда, немецкое право и практика не ограничиваются вышеупомянутыми деликтами. Суды на свое усмотрение и раньше, и сейчас за любое нарушение в личностной сфере могут присудить денежную компенсацию за причинение морального вреда.

Во Французском гражданском кодексе 1804 г. (Code civil) понятие «моральный вред» не было прямо закреплено. Статья о том, что всякое деяние, причиняющее другому вред, обязывает того, по чьей вине вред произошел, к удовлетворению, истолковывалась судами в смысле возмещения вреда экономического и неэкономического. Обычными случаями возмещения нравственного вреда были: незаконное лишение свободы, причинение вреда здоровью, вторжение в чужое жилище, оскорбление и клевета в устной и письменной форме. За смерть родных на возмещение морального вреда могли претендовать родители, дети, братья и сестры, которые необязательно были наследниками, достаточно было доказать наличие действительного вреда. Нравственный вред служил основанием для выступления потерпевших в качестве гражданских истцов в гражданских и уголовных делах. С тех пор французские суды широко применяют институт морального вреда для защиты личных благ [4, с. 62].

Более широкое, чем во Франции, толкование принцип возмещения морального вреда имел в Италии. Там существовало множество случаев, при которых возмещался моральный вред, а именно: диффамация, прелюбодеяние, развращение несовершеннолетних и т.п. Например, за женщиной, которую соблазнил мужчина, не выполнив обещания жениться, признавалось право на иск о возмещении вреда, что объяснялось тем, что такая женщина испытывает не только материальные потери, но теряет честь и будущность.

Правовое регулирование отношений, возникающих из причинения вреда, на белорусских землях развивалось в соответствии с историческими условиями. Уже в раннефеодальный период сборник обычного права, действовавший и на территории Беларуси, «Русская Правда» предусматривает целый ряд статей, направленных на защиту жизни, здоровья, чести, а также имущественной сферы жизни человека. Здесь так же, как и в западноевропейских варварских «правдах», предусматривается денежное возмещение за обиду: в ст. 13 Краткой (сер. XI в.), а также ст. 34 Пространной редакции «Русской Правды» (начало XII в.) говорится, что в случае кражи коня, оружия или одежды виновный должен возратить похищенное, а также заплатить собственнику 3 гривны за обиду. Вырывание бороды или уса каралось штрафом 12 гривен, а травмирование пальца — 3 гривны (ст. 7–8 Краткой редакции); при этом соответствующая статья Пространной редакции (ст. 67) подчеркивает, что штраф должен выплачиваться при наличии свидетелей вырывания усов или бороды. По всей видимости, борода и усы являлись символом мужества их хозяина, поэтому подобное действие рассматривалось как гораздо более серьезное оскорбление, чем физический вред [7, с. 43].

В эпоху Великого княжества Литовского (XIII — сер. XVI вв.) писаное право в виде специальных грамот, или привилеев, закрепило право пострадавшей стороны получать моральную и материальную компенсации за причиненный вред [8, с. 6]. Эти же нормы, только в систематизированном виде, сохранились в статутах Великого княжества Литовского. Так, за убийство человека или нанесение ему тяжких телесных повреждений законом предусматривались как меры уголовной ответственности (смертная казнь, тюремное заключение, талион), так и выплата головщины (штраф за убийство) или навязки (штраф за телесные повреждения), которые можно рассматривать как аналог компенсации морального вреда родственникам погибшего или потерпевшего [7, с. 46]. Размер компенсации при этом зависел от сословного положения потерпевшего; для непривилегированных сословий, к тому же с учетом профессиональной деятельности. На размер штрафных санкций влияло место совершения преступления и даже этническое происхождение сторон [7, с. 48]. Детально регламентированы размеры навязки и головщины в ст. 1–3, 6 разд. 12 Статута 1566 г., а также в ст. 27 разд. 11 и ст. 3–7 разд. 12 Статута 1588 г.

Особое место в Статуте 1529 г. заняли статьи, предупреждающие беспочвенные обвинения судей со стороны участников судебного процесса (ст. 1 разд. VI), а также нормы, направленные на предупреждение актов, оскорбляющих честь и достоинство участников

процесса во время судебного заседания: «Коли бы хто на другого рукою своею сягнул, пхнул, торгнул албо ударил перед судом, а не зранил, а тым-то сяганем суду кгвалт вчинил...», — приговаривался к компенсации 12 руб. и лишению шляхетства (ст. 17, разд. VI). Вместе с тем была предусмотрена ответственность самого судьи за оскорбление участника процесса словом или действием [7, с. 47].

После 1840 г., когда белорусские земли уже были Северо-Западным краем в составе Российской империи, на них постепенно распространялось общероссийское законодательство. В целом компенсация имущественного вреда осуществлялась в денежном и натуральном выражении в зависимости от фактических убытков. Что же касается морального вреда, то встречались как сторонники, так и противники его компенсации. В русском дореволюционном праве впервые проблема возмещения морального вреда была затронута правилами Закона от 21 марта 1851 г. [9]. Удовлетворение нравственного вреда не признавалось, за исключением двух случаев: 1) платеж за бесчестье, нанесение личной обиды, присуждаемый по просьбе обиженного в размере от 1 до 50 руб., причем иск о платеже за бесчестье не мог быть соединен с требованием наказания виновного; 2) платеж суммы за неправомерное осуждение и наказание по вине суда в размере от 100 до 600 руб., если наказание отбыто в тюрьме, и в размере от 10 до 60 руб., если были применены исправительные работы. Однако дореволюционный российский цивилист С. А. Бебяцкий считал, что гражданский закон не препятствует возмещению морального вреда в других случаях, так как в законе нет «даже тени напоминания о том, что возмещению подлежит исключительно материальный ущерб», и «...раз закон не выразил своего категорического веления по этому предмету, он по меньшей мере развязал руки практике и, не заполнив всего содержания понятия, оставил место для приспособления закона к нуждам жизни» [10, с. 14].

В праве дореволюционного периода нашло свое отражение понимание моральных категорий. В 1913 г. было опубликовано решение Сената по делу Дамбы (№ 46 за 1909 г.), в котором развивается идея возмещения нематериального вреда. По указанию Сената в этом решении закон, устанавливая ответственность за причиненный вред, не ограничивает понятие о вреде одним только материальным ущербом: наоборот, под понятием вреда, в отличие от убытков, надо разуметь всякий вред, всякое зло, которым потерпевший потерпел. Далее, замечает Сенат, хотя деньги в подобных случаях далеко несовершенный способ вознаграждения, но тем не менее могут до известной степени компенсировать для лица зло, причиненное ему. Лишение же его всякого права на такую компенсацию не оправдывалось бы ни законом, ни справедливостью [4, с. 70].

В начале 1917 г. был разработан проект закона «Об обязательном праве», который предусматривал возмещение нематериального вреда во всех договорных отношениях и в некоторых деликтах. Конечно, последнее обстоятельство явилось недостатком проекта. Но все же его принятие было бы шагом вперед по пути совершенствования гражданского законодательства. К сожалению, принятие данного закона оказалось невозможным по объективным причинам. События 1917 г. положили начало уничтожению государственной и правовой системы Российской империи.

В отличие от гражданского права и процесса, в уголовно-процессуальном законодательстве дореволюционной России существовал сравнительный аналог правового института морального вреда. Необходимым основанием для предъявления требования о выплате денежной компенсации (пени), которая не превышала 50 руб., наряду с уголовным удовлетворением являлась «личная обида», т.е. действие, наносящее ущерб чести и достоинству человека [11, с. 34]. При этом большинство дореволюционных российских правоведов считали предъявление такого требования недопустимым, что было связано с менталитетом дворянского сословия, к которому принадлежали юристы. В частности, по мнению известнейшего российского правоведа Г. Ф. Шершеневича, личное оскорбление не поддается имущественной оценке, поскольку причиняет нравствен-

ный, а не имущественный вред, а получение денежного возмещения за нанесенную обиду и вовсе унижает достоинство человека [12, с. 402].

Приход к власти большевиков существенно изменил постепенно формирующуюся в российском праве тенденцию. Буржуазное законодательство отменялось, поскольку оно «... противоречило революционному правосознанию». В связи с этим возмещение морального вреда в числе других «чисто буржуазных» институтов было в теории и на практике советского права на долгие годы забыто. Существо советской доктрины заключалось в том, что принцип возмещения морального вреда рассматривался как классово чуждый социалистическому правосознанию. Она основывалась, в частности, на утверждениях о том, что личность советского человека находится на столь недостижимом уровне, что ее никак нельзя оценивать деньгами. Преобладающим оказалось мнение о недопустимости материального возмещения, в связи с чем и гражданское законодательство советской России до 1990 г. не предусматривало ни самого понятия морального вреда, ни возможности его возмещения. Судебная практика в соответствии с господствующей доктриной отличалась стабильностью в этом вопросе, и суды неизменно отказывали в изредка предъявлявшихся исках о возмещении морального вреда в денежной форме [5, с. 148].

Аргументы в пользу материальной компенсации появляются в дискуссии в основном до начала 1930-х гг. Идея сторонников возмещения состояла не в измерении личных нематериальных прав в деньгах, а в обязанности правонарушителя к совершению действий имущественного характера, направленных на сглаживание остроты переживаний, вызванных правонарушением, т.е. деньги рассматривались в качестве не эквивалента перенесенных страданий, а источника положительных эмоций, способных полностью или частично погасить негативный эффект, причиненный психике человека в результате нарушения его прав. Однако данные аргументы не возымели воздействия на советское законодательство и судебную практику. После полной победы социализма в СССР (Конституция СССР 1936 г.) эти дискуссии прекратились, и в дальнейшем в результате соответствующей пропаганды в общественном правосознании представления о недопустимости оценки и возмещения морального вреда в имущественной форме укоренились настолько, что появлявшиеся в печати сообщения о случаях присуждения имущественных компенсаций за причиненные физические или нравственные страдания воспринимались как чуждые социалистическому правовому регулированию. Это не препятствовало использованию норм зарубежного законодательства о компенсации морального вреда при предъявлении советскими гражданами исков к иностранным юридическим и физическим лицам. Формирование и признание института компенсации морального вреда в советский период происходило изначально в рамках судебной практики по делам о причинении вреда жизни и здоровью потерпевшего, и только в дальнейшем данный способ защиты был распространен и на иные нематериальные блага [11, с. 34]. Дискуссия в советской юридической науке сводилась к признанию либо непризнанию морального вреда как юридического факта, порождающего отношения ответственности. Т. Корень выделяет следующие подходы: 1) полное отрицание компенсации морального вреда; 2) компенсация только в отдельных, определенных законом случаях; 3) компенсация во всех без исключения случаях его причинения [13, л. 3].

Впервые в советском законодательстве термин «моральный вред» появился в ст. 24 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г. Значимым этапом в развитии права по возмещению вреда стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г., утвердившего «Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда». Более детально право на возмещение морального вреда было установлено в 1990 г. в ст. 39 Закона СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации». При этом содержание и характерные признаки термина «моральный (нематериальный) вред» не раскрывались.

Первое легальное определение понятия «моральный вред» было сформулировано в ст. 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г.: это «физические или нравственные страдания». При этом допускалось возмещение морального вреда только при наличии вины причинителя вреда. Еще одной особенностью института стало подтверждение возмещения морального вреда в денежной или любой другой материальной форме, что российский правовед А. Табунщиков подчеркивает как положительный опыт, поскольку такой подход удовлетворял интересы кредитора в случае отсутствия у должника денежных средств [14].

Таким образом, институт компенсации морального вреда в белорусском праве сформировался в период существования суверенного государства; при этом он имеет глубокие корни, идущие от эпохи первых государственных образований. Отметим процесс его постепенной эволюции от раннесредневековой «обиды» до защиты чести и достоинства не только в отношении частных лиц, но и государственных органов. Подобные этапы компенсации морального вреда прошла и в западноевропейских государствах. Перерыв в функционировании данного института в нашей стране припадает на период советской государственности. Правовое закрепление он получил только в начале 1990-х гг. Большинство западноевропейских государств с развитыми демократическими системами имеют продолжительный период применения данного правового института, что дает основания для изучения их опыта в его развитии в нашей стране.

Источники

1. *Ленцевич, О. М.* К вопросу о развитии института материальной компенсации морального вреда в гражданском праве Республики Беларусь / О. М. Ленцевич // Управление в социальных и экономических системах : материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Минск. инновац. ун-т ; редкол.: Н. В. Суша (пред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 93–94.

Lentsevich, O. M. On the development of the institution of material compensation for moral harm in the civil law of the Republic of Belarus / O. M. Lentsevich // Management in social and economic systems : materials of the XXVII Intern. sci. and practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Minsk Innovation Univ. ; ed. board: N. V. Susha (chairman) [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 93–94.

2. *Lentsevich, V. M.* Compensation for moral harm: history of formation in the Republic of Belarus and experience of foreign countries / V. M. Lentsevich // Science and education — an important factor of society development in modern conditions : materials of VIII Intern. sci. and practical conf., Karagandy, 23 Apr. 2021. — Karagandy : Kent — LTD : Doszhan, 2021. — P. 18–21.

3. *Санфилиппо, Ч.* Курс римского частного права : учебник : пер. с итал. / Ч. Санфилиппо. — М. : БЕК, 2000. — 400 с.

Sanfilippo, Ch. The course of Roman private law : textbook : transl. from ital. / Ch. Sanfilippo. — Moscow : BEK, 2000. — 400 p.

4. *Голубев, К. И.* Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / К. И. Голубев, С. В. Наризный. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Юрид. Центр — Пресс, 2004. — 325 с.

Golubev, K. I. Compensation for moral harm as a way to protect the non-property benefits of an individual / K. I. Golubev, S. V. Narizhny. — 3rd ed., rev. and add. — St Petersburg : Jur. Center — Press, 2004. — 325 p.

5. *Эрделевский, А. М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 320 с.

Erdelevsky, A. M. Compensation for Moral Damage: Analysis and Commentary on Legislation and Judicial Practice / A. M. Erdelevsky. — 3rd ed., rev. and add. — Moscow : Wolters Kluwer, 2004. — 320 p.

6. *Эрделевский, А. М.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом : практ. пособие / А. М. Эрделевский. — М. : Форум : ИНФРА-М, 1997. — 239 с.

Erdelevsky, A. M. Compensation for moral harm in Russia and abroad : practical guide / A. M. Erdelevsky. — Moscow : Forum : Infra-M, 1997. — 239 p.

7. *Вишнеўская, І. У.* Да пытання аб абароне асабістых немаёмасных правоў па заканадаўству Беларусі (X–XVI стст.) / І. У. Вишнеўская // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч.

тр. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2017. — № 2 (10). — С. 42–50.

Vishneuskaya, I. U. To the issue of the protection of personal non-property rights under the legislation of Belarus (X–XVI) / I. U. Vishneuskaya // Actual problems of civil law : coll. of sci. works / Intern. Univ. «MITSO» ; ed. board: I. A. Mankovsky (chief ed.) [et al.]. — Minsk, 2017. — P. 42–50.

8. Возмещение вреда : информ. дайджест / Витебск. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Публич. центр правовой информ. ; сост. А. И. Федулова. — Витебск, 2016. — 26 с.

Compensation for harm : information digest / Vitebsk Reg. Libr. named after V. I. Lenin, Publ. Center for Legal Inform. ; comp. A. I. Fedulova. — Vitebsk, 2016. — 26 p.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. XXVII. Отд. 1. — СПб., 1852. — С. 210–224.

10. *Беляцкий, С. А.* Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. А. Беляцкий ; вступ. ст. Е. А. Борисовой. — М. : Городец, 2005. — 62 с.

Belyatskin, S. A. Compensation for moral (non-property) harm / S. A. Belyatskin ; introd. art. by E. A. Borisova. — Moscow : Gorodets, 2005. — 62 p.

11. *Ершова, Е. В.* История развития и современное правовое регулирование компенсации морального вреда в России / Е. В. Ершова // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер.: Право. — 2015. — № 1-2. — С. 33–41.

Ershova, E. V. History of development and modern legal regulation of compensation for moral harm in Russia / E. V. Ershova // Bull. of the Samara Humanitarian Acad. Ser.: Law. — 2015. — № 1-2. — P. 33–41.

12. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. ст. Е. А. Суханова. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.

Shershenevich, G. F. Textbook of Russian civil law (according to the edition of 1907) / G. F. Shershenevich ; introd. art. by E. A. Sukhanov. — Moscow : Spark, 1995. — 556 p.

13. *Корень, Т. А.* Компенсация морального вреда в гражданском праве Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. А. Корень. — Минск, 2004. — 112 л.

Koren, T. A. Compensation for moral harm in civil law of the Republic of Belarus : diss. ... of candidate of jur. sciences : 12.00.03 / T. A. Koren. — Minsk, 2004. — 112 sh.

14. *Табунщиков, А. Т.* Компенсация морального вреда в России и за рубежом: многоаспектность проблемы [Электронный ресурс] / А. Т. Табунщиков // КиберЛенинка. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-moralnogo-vreda-v-rossii-i-za-rubezhom-mnogoaspektnost-problemy>. — Дата доступа: 26.10.2021.

Tabunshchikov, A. T. Compensation for moral harm in Russia and abroad: the multidimensionality of the problem [Electronic resource] / A. T. Tabunshchikov // CyberLeninka. — Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-moralnogo-vreda-v-rossii-i-za-rubezhom-mnogoaspektnost-problemy>. — Date of access: 26.10.2021.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021 г.

УДК 347.73 + 657.47

A. Orsa
BSEU (Minsk)

ON THE QUESTION OF THE UNREASONABLENESS OF THE INCLUSION OF LABOUR COSTS IN THE COSTS OF PRODUCTION AND SALE

The article analyzes the legal and economic aspects of including the costs of labour costs in the composition of the costs of production (work, services) and the sale of goods.

Proceeding from the principle of optimal combination of private and public interests, the necessity of their exclusion from production and implementation costs is argued.